

ГЕЙДАР ШАХИДАНЕТ В ПЕРЕДИ

Самый долгоиграющий политик в СНГ, президент Азербайджана рассказывает: как он спас свою республику, о двух покушениях на него и почему он не советует своему сыну идти сейчас в политику

— Гейдар Алиевич, когда в октябре 87-го вы вошли в состав члена Политбюро ЦК КПСС и первого заместителя председателя Совета министров СССР, многим казалось, будто эпоха Алиева завершилась навсегда. Наверное, и у вас возникло ощущение, что все в прошлом, а впереди только победы на заветных, медали за вунки на ленте? — Конечно, возникало, как же иначе? Не сомневался: под активным периодом моей жизни подведена черта. Как полагаєте, оформили пенсию и продолжал спокойнo жить в Москве. Вернее, это я хотел так жить, но меня не оставили в покое. Примерно через две недели после отставки начались преследования. Не скрою, я почувствовал себя обиженным и дал слово окончательно отойти от политики. Я удалился. Я работал много всякого — в семье, в личной жизни, поэтому заслужил право на отдых.

Но 20 января 1990 года в Баку вошла советская войска, и пролилась кровь мирных жителей. Я не мог смолчать. Сначала пытался добиться встречи с Горбачевым или другими членами Политбюро. В голове не укладывалось, как в этой ситуации можно было не воспользоваться моим опытом. Все-таки я четыре-пять лет руководил республикой, до этого четверть века проработал в КГБ Азербайджана, наверху яшел бы, что посоветовать. Но никто не захотел меня выслушать.

В знак протеста я вышел из КПСС. После этого ушел из меня только услия, а теперь она захлестнула бурной рекой. Кампания набирала обороты. Меня вынудили покинуть Москву.

— Словом, не тронули бы вас в конце 80-х, не было бы сегодня Президента Алиева? — Слушайте дальше. Уехав из Москвы, я не смог остаться в Баку, в городе, в котором много лет проработал. Для этого просто не сделал. Букавалом член три дня меня выжили и отослали. Пришлось перебраться в блокадную Нахичевань. Помню, зимой морозы доходили до сорока градусов, я сидел в кабинете в пальто и в шапке, но не мог согреться... В Нахичевани провел три года до июня 93-го, пока народ не призвал меня. Я вернулся в Баку в очень трудный момент. Какое-то время приехал, дажэ закончил одновременно президента, председателя парламента и премьер-министра.

Чтобы власть обрела легитимность, на октябрь 93-го я назначил президентские выборы. Свою кандидатуру не выдвигал. Меня народ попросил, и я согласился.

— Кажется, похожий прием вы нереверсивно использовали и сегодня? — Верно, за пять лет я многое сделал в Азербайджане, поэтому не хочу бороться за переизбрание. Но если я нужен стране и народу, отказываться от президентского поста не стану.

Гейдар Алиевич, к чему эти песни? Стоит ли лукавить, когда ответ вам извештен? — Да. Надеюсь, за меня проголосует столько, сколько нужно для победы...

Понимаю: без меня сейчас Азербайджан не может. Но у нас в республике есть очень грязная оппозиция. Они хотят каждый день слышать, будто Алиев не справляется, не может руководить, су и так далее. Они могут? Пусть придут и попробуют. Это со стороны критиковать не надо.

— Почему в моих словах лукавства нет. Одно дело сказать, желая или не желая стать президентом. Допустим, возьмем Эльчибея (Абулфаз Эльчибей возглавлял Азербайджан до июня 1993 года. — А.В.). Он четыре-пять полноволной года назад удрал отсюда, жил в горах, а теперь вдруг кричит: «Хочу быть президентом». Совсем человека совести нет! Или, скажем, был у меня председатель Милли меджлиса, нашего парламента. Награбил огромные деньги и уехал из страны. Два года прожил в Америке, зная об ответственности за совершение преступления и боясь вернуться в республику, а сейчас — туда же: через

радиостанцию «Свобода» без конца вещает о своих президентских амбициях.

— Речь, надо полагать, о Гулиеве? — О нем.

— В московской прессе публиковались интервью с Расулом Гулиевым. Он не остается в долгу, возвращает вам обвинения в воровстве. Как говорится, аллаверды.

— Какие обвинения? Гулиев утверждает, что это у меня вся семья есть многочисленные счета за рубежом.

— Такую клевету можно о любом человеке сочинить. Я, например, скажу, что вы украли миллиард денег. Понимаете? Обвинения же в адрес Гулиева доказательны.

Этот самый Гулиев в 95-м году говорил с трибуны (и это записывало телевидение), что в нашем веке в Азербайджане было два исторических события. Первое — обретение республики независимости в 91-м году, а второе, что Алиев ушел и смог стать президентом страны. Так Гулиев говорил и в 95-м, и в 96-м. Что же он тогда не рассказывал, как я воую?

Я действительно мог не дожить до 93-го года. Я тяжело болел, вынес много всякого, мог запросто уйти на тот свет. Если бы меня не было, не знаю, что случилось бы с республикой. Не нашлось ведь, кроме меня, человека, который мог бы спасти народ.

— Кстати, о датах. Недавно был юбилей — пять лет, как вы вернулись в Баку. Сначала возглавляли Милли меджлис, а потом — всю республику. Теперь 15 июня в Азербайджане ежегодно отмечают день национального спасения. Кажется, так называется праздник?

— Да, все верно. Это решение нашего парламента.

— Словом, второе пришествие Алиева спасло Азербайджан от краха? — Конечно, а как иначе? Прямо вам скажу: я действительно мог не дожить до 93-го года. Я тяжело болел, вынес много всякого, мог запросто уйти на тот свет. Если бы меня не было, не знаю, что случилось бы с республикой. Не нашлось ведь, кроме меня, человека, который мог бы спасти народ. Допустим, я тогда, в 93-м, остался бы в Нахичевани, не приехал в Баку. Что дальше? Президент, председатель парламента, премьер-министр — все уже подал в отставку. Полное безвластие! И в то же самое время этот бандит идет в Баку из Гянджи. Чем бы все закончилось?

— Бандитом вы называете полковника Гусейнова, поднявшего в июне 93-го мятеж против Эльчибея? — Он и есть бандит. Эльчибей выпрыгнул его себе на беду.

— Да? А Гулиев утверждает, будто вы организовали поход Гусейнова, чтобы destabilизировать обстановку и прийти в к власти.

— Глупости! Я этого Гусейнова в лицо не видел. Никогда! Он же из Народного фронта был. И Рагим Казиев, бывший министр обороны, оттуда же. Это они все подстроили, чтобы захватить власть, а я сидел в Нахичевани и никак не хотел. Пришлось. Иначе Азербайджан раскололся бы на несколько частей.

— А хорошо ли, что все управляет в одного человека?

— Конечно, плохо, но надо радоваться, что хоть один нашелся. А если бы и его не оказалось?

— Вот народ и радуется. Наверное, по случаю вешнего семидесятилетия было много торжества?

Ничего подобного не допустить. Джек банкета не устраивал.

— Неужели отпустили гостей голодными?

— В апреле на встрече глав стран СНГ пошли разговоры о том, как поздравлять Алиева. Эльчин предложил действовать согласованно. Условились, что придут делегации на уровне заместителей премьер-министров. Я попросил об одном: ради Алиева, только не 10 мая, в этот день меня не будет в Баку.

— Где же вы находились?

— Уезжал за город... Действительно, как и просил, делегации были 8-го. Мы пообеща-

ли, и гости улетели.

9 мая приехал Шеварднадзе. Ему я не мог отказать, да он меня, собственно, и не спрашивал.

— Нарушил общую договоренность?

— Когда Шеварднадзе праздновал семидесятилетие, я нехотя шел для него прилетел в Бишкек. Это был ответный шаг. И с Эдуардом Амросовичем мы отобедали и расправились. А 10 мая сорприз преподнес уже Демирель (Сулейман Демирель — президент Турецкой Республики. — А.В.). Не мог же я ему сказать: «Не прилетайте», я нехотя шел в аэропорт, приехали сюда, провели деловые переговоры, а после обеда Демирель отбыл. Все. Никаких особенных торжеств. На загородной даче собралось только мои дети и внуки. Никого больше — ни премьер-министра, ни председателя парламента...

— И все, обилие? Никаких переносов улиц и площадей в вашу честь?

— Вы затронули очень деликатную тему. Визу: многие люди относятся ко мне с уважением и даже любовью. А это чувство может проявляться по-разному. Пару лет назад начал замечать: кое-где появились мои бюсты, на центральных проспектах городов стали вывешивать портреты. Я это запрети. Моя фотография может и даже должна быть в государственном, в кабинете чиновника, ибо президент — символ государства. Но не площади же моим ликом украшать!

У нас есть партия «Новый Азербайджан», созданная с моим участием в то время, когда я жил в Нахичевани. Активист этой партии потратил все свои деньги на изготовление моего огромного бюста, который решил установить здесь, в Баку, напротив офиса «Нового Азербайджана». Мне стало известно об этом, и я дал соответствующее указание не подчиниться главе исполнительной власти района и даже мэру города. Пришлось мне вмешаться и пригласить непокорного к себе. Я потраил на разговор два часа. Человек плакал, клялся в любви, говорил, что делает все для лучшей побуждений. Я сказал: «Понимаю ваше чувство, но своим поступком вы мне пользу не принесете». Тогда он спросил: «Как же мне теперь быть?» Я ответил: «Спрячьте этот бюст подальше. Когда меня будет на свете, тогда и увидит мой бюст». Если скажет, что не умеет, поддавайте субъективному чувству. Судьба народа выше эмоций! Я всегда руководствовался этими принципами.

— Если бы вы вместе с руководством Армении решили проблему Нагорного Карабаха, думаю, никакие запреты на прижизненные памятники уже не помогли бы.

— Вы были в лагерь азербайджанских беженцев? Шесть лет люди живут надеждой вернуться в родные места. Конечно, так существовать очень трудно. С другой стороны, это лишний раз доказывает, как верен путь и миролюбивый у нас народ. Мы ни на кого не нападаем, ни на чью территорию не претендуем — ни на армянскую, ни на грузинскую, ни на российскую, ни на иранскую. Чужого не надо — наше отчий дом.

— Послушать армянскую сторону, у нее будет своя правда.

— Но сегодня оккупирована почти пятая часть нашей республики! Мириться с таким положением дел нельзя, территориальная целостность должна быть восстановлена. Мы хотим вернуть свои земли. Но для того, чтобы наши люди могли там жить, надо восстановить разрушенное войной. Например, в Физулинском районе девять лет сои не посадили из-за боевых действий. Там все оказалось разрушенным, мы провели работу, но Азербайджану в одиночку все не поднять. Спасибо международным финансовым организациям за помощь.

— От СНГ вы получаете реальную поддержку?

— Что может СНГ? Претензий к нему много. На мой взгляд, Содружество имеет шанс стать хорошим международным органом, если его деятельность будет соответствовать уже сложившимся в

мировой практике принципам, основанным на равноправии, уважении суверенитета друг друга, содействии взаимных интересов. К сожалению, этого пока нет. Откровенно скажу, я недоволен деятельностью СНГ. Парадокс: два государства, входящих в состав Содружества, находятся в состоянии военного конфликта. Более того, за год перемирия Россия поставила одной из воюющих сторон оружие на миллиард долларов. Куда это годится?

К слову, первым вопросом о переданном Армении оружии подняли не мы. Азербайджан не ведет разведку на территории соседней, и мы ничего не знали. Российская Госдума потребовала отчета от Министерства обороны, и тогда эта история выплыла наружу. Все делалось незаконно, нелегально.

Или еще пример. Россия считает возможным держать войска в Армении, находящаяся в состоянии военного конфликта с Азербайджаном. Как, скажете нам, на это реагирует?

— Это наверняка отражается на ваших отношениях с Ельциным?

— Нет, у нас все нормально. Так было всегда, с времен, когда Борис Николаевич работал первым секретарем Свердловского обкома КПСС. Я тогда не знал, что он публиковался в партияной газете в Азербайджане. Особой дружбы между нами не водилось, но мы встречались на пленумах ЦК, на сессиях Верховного Совета. Когда меня пригласили в Совет министров, Ельцин стал заведующим строительным отделением ЦК. У нас установились деловые контакты. В октябре 87-го года Борис Николаевич остро выступил на пленуме ЦК, и почти все члены Политбюро, включая тех, кого Ельцин считал своими друзьями, резко его осудили, сказали, что он всадил нож в спину партии. А я выступил против Бориса Николаевича не стал, так что Ельцину не было обидно за это. Если же он делал в мой адрес какие-то заявления, то я их все время не принимаю. Это мелочи.

Между мной и Ельциным не могут быть плохие отношения хотя бы по той причине, что политик не должен

Самой серьезной угрозой была попытка сбить президентский самолет. Нас спасло, что тогда дул сильный ветер (нормальное, к слову, явление для Баку), и лайнер заходил на посадку не с той стороны, с которой делал это обычно. Террористы с ракетой ждали самолет в другом месте.

Спасло, что тогда дул сильный ветер (нормальное, к слову, явление для Баку), и лайнер заходил на посадку не с той стороны, с которой делал это обычно. Террористы с ракетой ждали самолет в другом месте.

Через несколько дней нам поступило сообщение, и мы смогли взять преступников.

— Неужели они не демонтировали ракету?

— Нет, все было спрятано, чтобы позже повторить попытку. Но наши спецслужбы нашли тайник, а потом и исполнителей. Они признали вину.

— И кто же вас заказал? Знаете? — Знаю, но мы не будем сейчас углубляться в эту тему.

— В эпизоде с заминированным мостом, по которому вы должны были ехать с президентом Кучмой, тоже удалось установить виновных?

— Да, тогда почти двести килограммов взрывчатки загложили.

— Хороший мог получить фейерверк.

— Это точно. Полетели бы с Леонидом Даниловичем так, что ... Заряд обнаружили буквально за пару часов до времени взрыва.

— А сегодня у вас есть основания беспокоиться за жизнь?

— Да, тревожные сигналы поступают. Некоторые мои враги только на убийство и делают ставку. Они понимают, что по-другому со мной не справятся. Понятно ведь, что выборы пройдут, и Алиев снова будет избран президентом. Значит, его надо убить по-другому.

— Кто же вы так не устраиваете?

— Многих. Но не народ. Мои недруги — из иных мест. Однако это уже отдельная тема.

— У вас такое говорят? Сын у меня умный, хороший, способный, добрый, но у него своя дорога в жизни.

— И все же. Ильях уже сегодня крупный руководитель и параллельно — депутат парламента. Не советую сыну все время думать о большой политике?

— После меня, после моего ухода, может, он этим и займется. Но не сейчас.

— Что так?

— Именно потому, что он мой сын. Достаточно, что Ильях — вице-президент нефтяной компании. Нас и из-за этого склоняют. Но ведь должен сын где-то работать, верно?

Ильях окончил Институт международных отношений в Москве, но за границу его не пустили — уже был в опале. Сын преподавал в институте, затем и оттуда его уволили. Он остался на улице с двумя детьми. Пошел в бизнес. Сначала работал в Москве. Когда я вернулся в Азербайджан, он приехал со мной, за компанию. А как иначе? Я же один, жена умерла...

Республика постепенно стала налаживать контакты с внешним миром, а Ильях знает английский, французский языки. Его опыт и пригодился.

— Вы ведь тоже языками владеете?

— Да, конечно.

— Кажется, свободно говорите на фарси, арабском?

— Не так уж свободно. На разговорном уровне. Я еще английский и турецкий языки изучал. Во время работы в КГБ.

— Кстати, в том, что многочисленные покушения на вас закончились провалом, наверное, «виноват» и ваш чекистский опыт?

— Безусловно. Пожалуй, самой серьезной угрозой была попытка сбить президентский самолет.

Нас спасло, что тогда дул сильный ветер (нормальное, к слову, явление для Баку), и лайнер заходил на посадку не с той стороны, с которой делал это обычно. Террористы с ракетой ждали самолет в другом месте.

Через несколько дней нам поступило сообщение, и мы смогли взять преступников.

— Неужели они не демонтировали ракету?

— Нет, все было спрятано, чтобы позже повторить попытку. Но наши спецслужбы нашли тайник, а потом и исполнителей. Они признали вину.

— И кто же вас заказал? Знаете? — Знаю, но мы не будем сейчас углубляться в эту тему.

— В эпизоде с заминированным мостом, по которому вы должны были ехать с президентом Кучмой, тоже удалось установить виновных?

— Да, тогда почти двести килограммов взрывчатки загложили.

— Хороший мог получить фейерверк.

— Это точно. Полетели бы с Леонидом Даниловичем так, что ... Заряд обнаружили буквально за пару часов до времени взрыва.

— А сегодня у вас есть основания беспокоиться за жизнь?

— Да, тревожные сигналы поступают. Некоторые мои враги только на убийство и делают ставку. Они понимают, что по-другому со мной не справятся. Понятно ведь, что выборы пройдут, и Алиев снова будет избран президентом. Значит, его надо убить по-другому.

— Кто же вы так не устраиваете?

— Многих. Но не народ. Мои недруги — из иных мест. Однако это уже отдельная тема.

Андрей ВАНДЕНКО.

Баку — Москва.

«Комсомольская правда», 19.08.98 г.)